

УДК 316.74:001

СОЦИОЛОГИЯ ЗНАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ГЕНЕЗИСА И МНОГООБРАЗИЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Голиков Александр Сергеевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

Статья посвящена исследованию генезиса социологии знания в первой половине XX века. Автор анализирует контекстуальность данных процессов, их "вписанность" в социально-политические, интеллектуальные, внутринаучные перипетии и делает вывод о схожести гносеологического и социального аспектов ситуации возникновения социологии знания в первой половине XX века и ситуации в социологии начала XXI века.

Ключевые слова: социология знания, Макс Шелер, Карл Маннгейм, возникновение социологии знания, знание.

Статтю присвячено дослідженню генезису соціології знання в першій половині XX століття. Автор аналізує контекстуальність даних процесів, їх "вписаність" у соціально-політичні, інтелектуальні, внутрішньонаукові перипетії та робить висновок про схожість гносеологічного та соціального аспектів ситуації виникнення соціології знання в першій половині XX століття та ситуації в соціології початку XXI століття.

Ключові слова: соціологія знання, Макс Шелер, Карл Маннгейм, виникнення соціології знання, знання.

The paper is devoted to genesis of sociology of knowledge in the first half of twentieth century. Contextuality of given processes, their "incorporateness" to social, political, intellectual, intrascientific collisions are being analyzed by author. The conclusion about similarity of gnoseological and social aspects of situation of the rise of sociology of knowledge (the first half of XX century) and modern situation in sociology at the beginning of XXI century is suggested.

Keywords: sociology of knowledge, Max Sheller, Karl Manheim, rise of sociology of knowledge, knowledge.

"То, что истинно по одну сторону Пиренеев, ошибочно — по другую" (Блез Паскаль).

Грандиозные трансформации на всех уровнях социальной жизни, наблюдаемые в мире за последние два десятилетия, кардинально изменили сам фундамент многих сфер общественного бытия. Годы этих изменений сравниваются с эпохой Великих географических открытий: "Дигитальное (цифровое, выражаемое цифрами) знание – вежа в истории человечества, сравнимая с открытием письма, массового книгопечатания, Нового света" [1, с. 54]. В сфере научного исследования этих феноменов мы наблюдаем уже неоднократно отмеченную тенденцию к запаздыванию рефлексии относительно рефлекслируемой реальности. Это же касается и социологии знания во всём её многообразии: исследователи знания (в основном социологи и философы) акцентируют темы истинности, соотношения научного, теоретического и эмпирического знания, передачи знания через обучение, знания части и целого, знания повседневного и умозрительного, феноменов знания, познания, информации, научного знания, естествознания, то есть поднимаются те проблемы, которые стояли перед философией и социологией знания на протяжении многих лет. В то же время, как отмечает З. Бауман, в современном мире "умение извлекать информацию и делать из нее необходимые выводы, а также умение менять способы извлечения информации в соответствии с обстоятельствами становится намного важнее самого содержания этой информации" [2]. В таком контексте отставание социологии знания становится ещё более очевидным.

Существенно меняются сами основания бытия человека. Человек превращается в человека-на-вечном-пограничье, человека, воспринимающего перестройку своей биографии (по Л.Г. Ионину) и разрушение прежней повседневности как рутинизированные элементы реальности (как бы оксюморонно не звучала данная мысль). Соответственно, меняется структура знания, мышления, мысли. Как утверждает российский философ В. Розин, "существенно меняется структура мысли и условия для мысли-встречи, мысли-события, когда принимаются и начинают осуществляться новые "социальные проекты"" [3]. Эти идеи парадоксальным образом перекликаются с шюцевскими идеями о культурном шоке. Но только в

данном случае речь идёт, с нашей точки зрения, о "прирученном", стандартизированном, а поэтому и ожидаемом и "нешокирующим" культурном шоке. Это происходит потому, что "распад существующей культуры или становление новой создаёт широкое поле для мышления-встречи, мышления-события", и "мышление-встреча" (концепт, синонимичный в данном контексте концепту культурного шока) становится обыденным и даже отвечающим ожиданиям явлением. Этим – шокирующим нешокированием, разрывом "привычного" знания – с нашей точки зрения, современная (социальная, политическая, гносеологическая, социокультурная) ситуация схожа с ситуацией первой половины XX века – ситуацией гибели *Gemeinschaft*'а, ситуацией поиска новых антропологических констант бытия человека, ситуацией научной и (чисто) человеческой растерянности исследователей. Именно поэтому, с нашей точки зрения, актуализируются вопросы, связанные с социологией знания вообще и ситуацией её возникновения и закрепления в институциональном и интеллектуальном поле, в частности.

Поэтому целью нашей работы будет исследование научного, (гносео)логического, исторического, социокультурного контекстов возникновения и становления социологии знания в первой половине XX века.

Вполне закономерно окажется, что в данной работе, не умаляя социологической специфики, мы вынуждены будем в той или иной мере поднимать вопросы философского предметного поля. Это объясняется, в том числе, тем, что, как указывает известный теоретик социологии науки и знания Майкл Малкей, в ходе своего развития социология знания не только не порвала "пуповины", связывавшей её с философией, но и постоянно стремилась укоренить себя в концептуальном ядре различных философских течений [4].

Ни одна теория не возникла на пустом месте, а тем более такое мощное направление современной социологии, как социология знания. Это отмечают и современные исследователи, напоминающие, что идея социальной обусловленности познания и его результатов получила в западной философии определённое распространение в начале XX века, что и привело к возникновению социологии знания [5]. Попробуем обозначить те основные предпосылки, которые предшествовали декларации о возникновении социологии знания в трудах Макса Шелера.

П. Бергер и Т. Лукман говорят, что "вероятно, корни этой важной для современной немецкой философии проблемы уходят в исследования исторической школы Германии" [6], обозначая её как "головокружение от относительности" и операционализируя это достаточно туманное понятие как исследование взаимосвязей между мышлением и его историческим контекстом. Впрочем, эта проблема, действительно, не нова, но только накопленный к началу двадцатого века комплекс знаний и проблем незнания позволил поставить этот вопрос так, чтобы можно было – хотя бы в спекулятивном плане – подойти к его концептуальному решению. Подобное "головокружение от относительности" является крайне типичным для интеллектуальной ситуации в теоретической социологии начала двадцать первого века (с её постмодерной и постмодернистской инфицированностью), что реактуализирует уже существующие классические концепты, а также поиски новых концептов, релевантных вновь обнаруженным формам и проявлениям знания.

Основополагающие философы социологии знания первой половины XX века были сформулированы под влиянием трёх ключевых тенденций немецкой мысли XIX столетия — марксизм, ницшеанство и историцизм.

Влияние Маркса на социологию трудно преувеличить. Социология двадцатого века явно или латентно и существует как комментарий к Марксу, возражение ему или апологетика его тезисов. Социология знания позаимствовала у Маркса своё основное положение о том, что социальное бытие определяет человеческое сознание. Было много споров по поводу того, какую именно детерминацию Маркс имел в виду. Учитывая то, что лишь в 1932 году была заново открыта очень важная работа Маркса "Экономико-философские рукописи 1844 г." и лишь после второй мировой войны стало возможным полностью оценить значение этого открытия для понимания Маркса, можно говорить, что до этого всеми критиками марксистской теории борьба велась не с Марксом, а с ошибочными интерпретациями его последователей. Особое влияние на социологию знания осуществило разделение Маркса "субструктура/суперструктура" (*Unterbau/Ueberbau*) В любом случае, начиная с Шелера, фундаментальная схема "суб/суперструктуры" в той или иной мере была взята на вооружение социологией знания и всегда с пониманием того, что существует некая связь между мышлением и отличной от него, "основополагающей" реальностью.

В менее явной форме социологией знания были восприняты ницшеанские идеи. Впрочем, они в принципе были весьма созвучны общему интеллектуальному фону и тому "настроению", в контексте которых возникла социология знания. Ницшеанский антиидеализм, отличающийся от марксизма скорее по

содержанию, чем по форме¹, дает социологии знания дополнительную перспективу, в которой человеческое мышление выступает в качестве инструмента в борьбе за выживание и власть. Напомним, Ницше разработал свою собственную теорию "ложного сознания", анализируя социальное значение обмана, самообмана, иллюзии, присущих человеческой жизни. Его понятие "Ressentiment"² в качестве фактора, порождающего определенные типы человеческого мышления, было непосредственно заимствовано Шелером.

Историцизм, особенно в дильтеевском варианте, непосредственно предшествовал социологии знания. Ему было присуще ощущение относительности всех перспектив, то есть неизбежной историчности человеческого мышления. Именно дильтеевскому варианту историцизма было суждено совершить прорыв в культурологических науках, который многие сравнивают с колумбовским, – выйти за пределы своей культуры. Характерное для историцизма утверждение, что ни одну историческую ситуацию нельзя понять иначе, как в ее собственных терминах (как локальных, так и темпоральных), легко превратить в утверждение, подчеркивающее социальный контекст мышления (во всяком случае, применяя для этого современные термины) [7].

Таковы основные интеллектуальные предпосылки. Однако картина мира, предшествовавшая выделению социологии знания в отдельную специальную социологическую теорию, была бы неполной без эскиза социально-исторического контекста, ключевыми элементами которого были следующие:

- 1) активизация научно-технического прогресса, превращение науки из "служанки" и "интерпретатора" техники в "локомотив" техники, который освещает ей дорогу в будущее;
- 2) революция в познании (так называемая Третья революция), связанная с переходом к неклассическому типу рациональности. Тут важно констатировать проблематизацию и релятивизацию истины и истинности в познании, из-за чего и возник тезис о возможности множества истинных знаний [8];
- 3) глубокие трансформации сообществ с точки зрения идеологического и общественного устройства, причём далеко не всегда соответствующие гуманистическим настроениям Просвещенческого проекта (остатки которого были ещё сильны в индивидуальном и коллективном сознании того времени), что вывело на поверхность научной рефлексии проблемы соотношения (по)знания и социальной реальности;
- 4) выход науки на авансцену общественного производства, превращение её в производительную силу, что потребовало серьёзных исследований закономерностей данной сферы функционирования человеческой рациональности (точно так же, как внимание к исследованиям науки в США было уделено только после краха американского плана запуска человека в космос и локального поражения американской науки в сопоставлении с советской).

Дело в том, что, действительно, не столь уж многие действовали под знамёнами социологии знания, но очень многие действовали в её рядах, не всегда даже это осознавая. Например, радикальное течение, представители которого (А.А. Богданов, Д. Лукач и другие) полагали, что научное, объективно-истинное знание не может быть исключено из действия социокультурных процессов. Истоки этой мысли наблюдаются в работе Д. Лукача "История и классовое сознание", утверждавшего, что научное исследование должно быть ориентировано на постижение целостности: конкретное исследование означает отношение к обществу как к целому [9]

Широким фоном для развития социологии знания в двадцатых-сороковых годах была интеллектуальная панорама того времени, ярко обрисовываемая Г. Беккером и А. Босковым [10] (которые были намного ближе нас к этому времени и имели доступ к источникам, к которым мы доступа не имеем). Напомним самые заметные вехи социологии знания того времени: Марсель Гране (1925) возводит присущие китайцам представления о времени и пространстве к прежней деревенской жизни и её циклу событий; в то же время Марсель Мосс подчёркивает роль иррационального неутилитарного мышления, сопутствующего дарению в дописьменном обществе [11]; Ганс Кельсен (1943) пытается показать развитие идеи причины из идеи вины в процессе перехода от мистического мышления к мышлению рациональному; Кардинер и Линтон (1939-1945) анализируют личность и культуру во всей совокупности их проявлений, включая и те, которые можно рассматривать как "знание", как "результаты первичного институционального опыта"; Бугле в один год с выходом фундаментального труда Макса Шелера постулирует, что логические категории являются производными от социальных категорий; Морис Хальбвакс (1929), считая память ключом к пониманию процессов мышления, выдвигает гипотезу, что изолированный индивидуум практически не имеет памяти; память развивается только в группе, с которой он чувствует себя солидарным (хотя это исследование и ближе к психологическому дискурсу, мы его

¹ С той точки зрения, что, можно сказать, Ницше был эстет-центрированным философом, тогда как Маркс – этикоцентрированным.

² Весьма многозначное, полисемичное, ёмкое и значимое в контексте ницшеанского анализа коллективной психологии современного ему человека.

отмечаем как способствующее более глубокому пониманию природы социальности познания). Пауль Сенде (1922) выдвигает предположение, что чувственный опыт сам по себе заслуживает доверия, но что истолкование его подвержено социальному влиянию, а уж эти истолкования составляют идеологию, которая маскирует действительность в интересах правящего класса. Небезызвестный русский учёный А. Богданов считает сознание средством приспособления в борьбе за существование, поэтому сознание каждого человека представляет собой конкретную копию его социального бытия (далеко ли он отходит от марксистского "бытие определяет сознание"?). Ледерер несколько ранее (1923) в духе Бауэра подчёркивает, что идеи обладают имманентным развитием, прерываемым только социальными элементами в переломные моменты социального и экономического развития. Макс Лернер (1939) выводит полный смысл какой-либо идеи из четырёх компонентов: 1) мыслитель и его биография; 2) интеллектуальная традиция, в которой он творил; 3) социальный контекст, в котором он обнародовал свои идеи; 4) исторические последствия его идей и последующие аудитории, которые он приобрёл (что это, как не очередное разворачивание понятия "социальный контекст идеи"?). Уильямс и Мостеллер в 1944 году осуществляют попытку сдвинуть социологию знания в социологию мнения, исследуя связь между некоторыми мнениями и образованием и экономическим положением, что, тем не менее, не могло не поспособствовать демонстрации связи между социальным контекстом и содержанием личностного знания, и не заложить фундамент для будущих исследований повседневности и жизненного мира. Р. Парк (1940) заявляет: "Масштаб, в котором распространяется новость, определяет масштаб, в котором члены общества участвуют в политических действиях этого общества. Новость... характерным образом ограничивается событиями, вызывающими внезапные и решительные изменения. Исключительное внимание к каким-либо вещам препятствует проявлению реакций на другие, вызывая в результате ограничение сферы действия и характера новости, на которую общество откликнется коллективно или индивидуально. Функция новости в том, чтобы ориентировать человека и общество в реальном мире". На наш взгляд, это не что иное, как фундамент для социологии массовых коммуникаций и массовой культуры, которую можно рассматривать как сопряжённую с социологией знания. В это же время П.А. Сорокин (1940) заявляет, что "доминирующая культура обуславливает то, что какое-либо общество считает истинным или ложным, научным или ненаучным, справедливым или несправедливым, законным или незаконным, прекрасным или уродливым" [12].

О широте возможного применения и спектра возможных исследований социологии знания может свидетельствовать точка зрения Г. Беккера и А. Боскова о том, что даже книга Т. Веблена "Теория праздного класса" могла бы стать отправным пунктом для американской социологии познания, а также исследования К. Леви-Стросса, которые также считающиеся достижением в том числе и социологии знания. Последний, в частности, писал, что "мифы противопоставляют одновременно: формы экономической деятельности, типы социальных и политических отношений и поведенческие действия, определяемые семейной моралью" [13].

В 1940-50-х годах в США в исследования, повлиявшие на развитие социологии знания можно включить: изучение Вильсоном сущности феномена специалиста с высшим образованием, а также среды, из которой он вышел, и его статуса; Бекком – социального и экономического состава советов попечителей университетов; Барбером – отношения между наукой и социальным слоем учёных; Знанецким – различных типов людей науки. Тогда как, напомним, ещё в 1926 году Пауль Хонигсгейм разработал типологию лиц, которые создают или приобретают составные элементы высшего образования, а Гельмут Плеснер обнаружил черты сходства в деятельности квалифицированного руководства предприятием и проведении квалифицированного объективного исследования в науке. Датчанин Теодор Гейгер продекларировал уникальный на тот момент отказ от синтезирующей функции интеллигентов в отношении познания – тех самых интеллигентов, от которых веберианцы в то же время ожидали рационализации и эффективизации жизни, а Маннгейм считал её "свободно парящей".

И хотя появление на сцене "мастодонтов" социологии знания (Макса Шелера и Карла Мангейма) на время приостановило дискуссии по ряду направлений, не входящих в тематический круг деятельности этого тандема, оно не могла их прекратить полностью. Вероятно, наиболее важная попытка выйти за пределы маннгеймовского понимания социологии знания была предпринята Вернером Штарком, по мнению которого задача социологии знания состоит не в раскрытии или разоблачении созданных в том или ином обществе идеологий, а в систематическом изучении социальных условий знания как такового. Впрочем, кое в чём он был согласен с Мангеймом. Так, в своей самой известной книге "Социология знания" он писал, что общественные факты мы создаём и даже переделываем сами, в то время как факты природы уже не являются делом наших рук. Это – данные, причём в гораздо более жёстком смысле использованного термина, а поскольку человек неоднократно менял исходные позиции, с которых он рассматривал социальные факты, в результате чего последние представляли перед ним в новом и зачастую

неожиданном облике, явления природы он неизменно наблюдал с одной и той же позиции, в результате чего факты этого рода всегда выстраивались для него на одной и той же поверхности [14], то и к выводам он приходил очень похожим с маннгеймовскими.

Действительно явлением в социологии знания стали произведения Альфреда Шюца, который сделал многое для понимания природы повседневных теорий. Поэтому с ним "связывают новое определение социологии знания, предполагающее включение в её рамки "теоретических компонентов"" [6]. Именно Шюц обращался к изучению структуры обыденного мышления в мире повседневной жизни [15]. Хотя сам учёный не разрабатывал социологию знания, он ясно видел, на чем эта дисциплина должна сосредоточить свое внимание, напоминая, что знание обладает свойством социально распределяться, и механизм этого распределения может быть предметом социологической рефлексии. Однако при этом он утверждал, что социология знания (за небольшими исключениями) подходила к проблеме социального распределения знания лишь под углом идеологического обоснования истины в её зависимости от социальных и особенно экономических условий, от социального контекста образования или от социальной роли человека знания.

Надо сказать, что в это время социология знания реализовывала свои исследовательские программы в основном в рамках социологии науки. Это объясняется тем, что в годы депрессии (депрессии научной, депрессии идеологической, депрессии экономической, депрессии мировоззренческой), когда вклад науки подвергся обсуждению (что особенно касается общенаучного кризиса рубежа XIX-XX веков), учёные попытались, с одной стороны, убедить широкую публику в преимуществах непрерывного использования научного метода, а с другой стороны – стали проявлять беспокойство относительно институциональной, интеллектуальной и мировоззренческой основы своего существования в обществе.

"Сейчас главный вопрос не "Кто правит?", а "Кто контролирует?" ... В этом и заключается суть дела: каждый, кто когда-либо жил при другой форме правления - то есть при диктатуре, устранить которую нельзя без кровопролития, - знает, что за демократию, сколь бы она ни была несовершенна, стоит сражаться и, я думаю, - стоит умереть" (К. Поппер) [16]

Это высказывание Карла Поппера, хоть и удивительно типологически схоже с высказываниями одного из главных его оппонентов (Платона, отождествившего добродетель и знание и утверждавшего, что все человеческие пороки от незнания добродетели), в полной мере отражает одну из главных аксиом современной социологии знания, к которой она шла всё предыдущее столетие. Это идентичность в современном мире знания и действия, каузальная взаимосвязь между структурными и интеллектуальными изменениями, на что и указывает П. Бурдьё: "Чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, то есть видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы" [16, с. 148].

Вектор социологии знания был долгое время направлен на определение знания и его бытия в обществе, и "сегодня социология познания применяется во многих исследованиях, в частности, в рамках социологии науки и социального строительства повседневного знания" [18]. Указанные в данной цитате направления являются только самыми разработанными, но ещё неизвестно, самыми ли перспективными.

В современности, когда "наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали раньше... когда завершённая и дельная работа – в наши дни всегда специальная работа" [19], задания социологии знания, в своё время чётко определенные двумя её основоположниками и немного уточненные Р. Мертоном, сковывают социологию знания в решении достаточно узкой палитры задач. Социология знания осуществляет вторжение на те интеллектуальные территории, которые изначально ей не принадлежали, и профессионально рассуждает о широком спектре сфер современного общества. Можно прогнозировать, что эта тенденция будет продолжаться, но, как мы уже неоднократно подчёркивали, не без возвращений к истокам: "Акцентируя сумму сохраняемой в элементарном виде, потенциально обще- (и общественно) доступной информации (сведений), социология знания возвращается к исконным проблемам знания: накопление общественно проверяемых на достоверность сведений (качество), масса доступных индивидам данных; ценность знания" [1].

И хотя дискуссии вокруг самого предмета социологии знания продолжаются и даже не совсем определено её название³, можно с уверенностью прогнозировать реализацию эвристического потенциала социологии знания, разделение на основании специфичности языковой семиосистемы таких концептов, как ведение, знание, отличие, на-учение и наука, известность, данность, информация. В любом случае данное разграничение в его полном варианте – только перспектива и потенциал социологии знания.

³ Knowledge можно переводить и как познание, и как знание. С нашей точки зрения, второй перевод как отражающий не только процесс, но и результат, адекватнее.

Литература:

1. Романовский Н.В. Социология знания – новые вызовы // Социологические исследования. - № 3. – 2001, с. 54-65.
2. Бауман З. Цена университета? Узнайте на рынке [Электронный ресурс] / Зигмунт Бауман. – Режим доступа : <http://ps.1september.ru/article.php?ID=200207015>.
3. Розин В.М. Современное мышление и проблема творчества / В.М. Розин // Полигнозис. – 2007. – 1(29). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.polygnozis.ru/default.asp?num=6&num2=57>.
4. Малкей М. Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983. – 256 с.
5. Современная западная социология науки: Критический анализ. – М.: Наука, 1988. – 256 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. - 323 с. Перевод Е. Руткевич.
7. Кохановский В.П. Лешкевич Т.Г. Матяш Т.П. Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. РнД: Феникс, 2004. – 608 с.; Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. – М.: Академический Проект, 2004. – 320 с.
8. Кохановский В.П. Лешкевич Т.Г. Матяш Т.П. Фатхи Т.Б. Основы философии науки: учебное пособие для аспирантов. РнД: Феникс, 2004. – 608 с.
9. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике / Георг Лукач. Пер. с нем. Сергея Земляного. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 416 с.
10. Беккер Говард, Босков Алвин Современная социологическая теория в её преемственности и изменении. М. – 1961, 896 с.
11. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с франц., послесловие и комментарии А.Б. Гофмана. - М.: Восточная литература, РАН, 1996. - С. 74 -222
12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / Питирим Александрович Сорокин. - М: Астрель, 2006. — 1176 с.: ил. , 24 с. ил.
13. Леви-Стросс К. Первобытное мышление / Клод Леви-Стросс. – М., Издательство " Республика" - 1999. - 385 с.
14. Stark W. The Sociology of Knowledge / Werner Stark. - London, Routledge & Paul, 1958.
15. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научи, ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда "Общественное мнение", 2003, 336 с.
16. Поппер К. Логика социальных наук / Карл Поппер// Вопросы философии. – 1992. – № 10. – с. 65-75.
17. Бурдьё П. Социальное пространство и символическая власть // THESIS. - 1993. - Вып. 2. - с. 137-150.
18. Большой толковый социологический словарь. Том 2 (П-Я) / под ред. Д. и Дж. Джерри. – М.: Вече-АСТ, 2001. – 528 с.
19. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения: Пер.с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.